А.А. ДРОЗДОВ
Доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова, РГХПУ им. С.Г. Строганова
e-mail: camertus@mail.ru

A.A. DROZDOV
Associate prof., Moscow State University, Russian State Stroganov University of Design and Applied Arts
e-mail: camertus@mail.ru

DOI: 10.37485/1997-4663_2023_4_2_205_218

ГРАВИРОВКА НА НИКОЛЬСКО-БАХМЕТЬЕВСКОМ ЗАВОДЕ В 1830–1840-е ГОДЫ

GLASS ENGRAVING AT THE NIKOLSKO-BAKHMETYEVSKY FACTORY IN THE 1830S–1840s

В статье рассмотрено развитие гравировки на Никольско-Бахметьевском заводе со второй половины 1830-х до начала 1850-х годов. Это время характеризовалось обращением мастеров к привозным образцам европейского стекла, внедрением новых техник декорирования. Рассмотрены три группы изделий. К первой из них относятся изделия с декором в виде оптических ямок, декорированные прозрачными эмалями и гравировкой в виде растительных мотивов, фигур животных, гербов городов. Вторую группу представляют собой изделия, поставляемые на азиатские рынки, декорированные в стиле рококо. Третью группу составляют толстостенные кубки, бокалы и стаканы с медальонами, украшенными серебряной протравой или, реже, прозрачными эмалями, которые украшают изображения на тему войны с Наполеоном или сюжеты из басен И. Крылова. Гравировку исполняли местные мастера, среди них известен Иван Ромодин.

The article examines the development of engraving at the Nikolsko-Bakhmetyevsky factory from the second half of the 1830s to the beginning of 1850s. This time was characterized by craftsmen turning to imported samples of European glass and the introduction of new

decorating techniques. Three groups of products are considered. The first one includes products with decor in the form of optical pits, decorated with transparent enamels and with engraving (plant motifs, animal figures, and city coats of arms). The second group is the production supplied to Asian markets, decorated in the Rococo style. The third group consists of thick-walled goblets, goblets and glasses with medallions decorated with silver stain or, less commonly, transparent enamels, which are decorated with images on the theme of the war with Napoleon or scenes from I. Krylov's fables. Engraving was carried out by local craftsmen, among them Ivan Romodin is known.

Ключевые слова: русское художественное стекло, гравировка, Никольско-Бахметьевский завод, серебряная протрава
Keywords: Russian artistic glass, Nikolsko-Bakhmetyevsky factory, silver stain

К 1836 году, когда новым владельцем предприятия становится Алексей Николаевич Бахметьев, завод уже имел немалую историю и выдающиеся заслуги, отмеченные медалями на мануфактурных выставках 1829, 1833 и 1835 годов [1; 2]. В отечественном стеклоделии это время ознаменовалось обращением к новым, разработанным в Богемии, традициям декорирования, которые проявились в усилении роли цвета, создании граненых многослойных стекол, нанесении прозрачных эмалей, развитии техники серебряной протравы. Первые образцы богемского стекла поступили в образцовую завода в 1837 году. Так, в Описи предметов заводской образцовой, составленной А.Е. Якобсон в 1914 году [3], в числе поступлений 1837 года значатся «№ 11. Стакан широкой грани с янтарем», «№ 18. Графин с янтарем рисовкой», «№ 40. Стакан дно янтарное с оленем» и «№ 63. Стакан янтарная рисовка — турок». В списке поступлений 1838 года под номером 1 указан «Фужер с янтарным медальоном и рисовкой турок». По-видимому, именно этот фужер (по более поздним описям — «стакан-бокал») с фигурой турка сохранился до наших дней. Он представляет собой сосуд с раструбовидным туловом на массивном основании, завершающемся шестью крупными оплавленными выступами (рис. 1). Бокал выполнен из бесцветного стекла и покрыт серебряной протравой. Его украшает выпуклый медальон с гравированной фигурой всадника. Изображение делибаша — мчащегося на коне удалого турецкого наездника — часто встречается в богемском гра-

вированном стекле 1830-х гг., еще один подобный бокал (ст3730) хранится в ГМК «Кусково» [4, с. 98]. Эта тема известна в творчестве многих богемских резчиков, как работавших в мастерской Маттони в Карловых варах (Эмануэль Хоффман, Антон Генрих Пфайфер), так и мастеров Мистровице (Аугуст Бём, Эдуард Пеликан). Образ удалого делибаша встречается в русской культуре этого времени, к нему обращается А.С. Пушкин (стихотворение «Делибаш», 1829). Богемский бокал с делибашем нередко служил образцом для копирования. В 1930-е годы он был повторен Михаилом Вертузаевым, но выполнен в технике двухслойного стекла, внешний нацвет которого имитировал серебряную или медную протраву. Гравировку делал П.А. Порохов (ГМК «Кусково», инв. ст3691, [4, с. 163]; Музей, Никольск; в заводских документах 1930-х гг эти изделия названы «перовниками» — стаканами для перьев).

Рис. 1. Бокал с изображением турка, фрагмент. Богемия, 1838 год, Никольск, музей

Рис. 2. Стакан с гербами городов, 1837. Никольск, музей

Можно предположить, что вместе с первой партией образцов в 1837 году на завод поступила не только рецептура, но и некоторое количество порошка для протравы, уже готового к нанесению на стекло.

Примером изделия, декорированного бахметьевскими мастерами в технике серебряной протравы, а также с использованием прозрачных цветных эмалей — «лазурей», служит стакан с перехватом, граненый ямками, некоторые из которых украшают гербы городов (Никольск, инв. 1181).

Ниже каждого герба в ямке поставлены даты, указывающие на пребывание в данном городе цесаревича Александра Николаевича во время путешествия его по России в 1837 году [5] (рис. 2). Это путешествие длилось со 2 мая по 10 декабря 1837 года. Можно предположить, что стакан является частью комплекта для воды, состоявшего из двух стаканов и графина, размещенных на подносе, который был преподнесен 19-летнему цесаревичу уже после завершения поездки, возможно, на Рождество 1838 года. В этом случае Николай Бахметьев повторил традицию своего

отца, отправлявшего подарки императорской семье и русскому нобилитету. Еще один такой же стакан находится в коллекции ГМЗ «Павловск» (инв. ЦХ-9905-I) (1).

Лишь часть закупленного Бахметьевыми иностранного стекла сохранилась до наших дней, прямых европейских аналогов «комплекта с гербами городов» в заводской образцовой нами не найдено. Образцом данному изделию, мог послужить предмет, близкий комплекту из графина и стакана, представленному в Техническом музее Вены (Технический музей Вена инв. 19339), куда он был передан в том же 1837 году с завода Иоганна Мейера, расположенного в местечке Адольфов вблизи Вимперка в отрогах горного хребта Шумава (Богемский лес). В старой инвентарной книге сохранилась и дата его изготовления — 1834 год. В технический музей с различных предприятий Австро-Венгрии поступали исключительно образцы новых изделий. Этот факт доказывает большую грамотность Бахметьева в отборе образцов для своего завода.

Оба стакана имеют много общего в декоративном оформлении, сходную многолучевую звезду на низком цилиндрическом основании, декор в виде расположенных поясами сферических ямок, в шахматном порядке залитых лазурями и украшенных гравировкой. В богемском стакане пространство между ямками заполнено желтой серебряной протравой, по которой нанесено серебряное крытье, а в резервах просвечивают симметричные растительные завитки. Вогнутая поверхность ямок покрыта лазурями трех цветов: синей кобальтовой, розовой, выполненной с использованием пурпура и фиолетовой, содержащей одновременно кобальт и пурпур. Некоторые сферические ямки стакана завода Мейера украшены цветочными букетами с неизменным цветком незабудки в центре и несколькими цветками маргаритки, выполнены в технике матовой поверхностной резьбы медным колесом, сердцевина каждого цветка подчеркнута блестящей полированной ямкой.

Стаканы с гербами, как и стакан из Вены, имеют сходные основания, но отличаются изгибом тулова, возможно, повторяя утраченный мейеровский образец. Для бахметьевского стекла этого времени характерно использование форм европейских изделий, в которые мастера вносили лишь некоторые изменения. Изображая гербы, резчик четко очерчивает контуры, придает основному изображению объемность, углубляя его в стекло, а детали дорабатывает в технике неглубокой штриховой резьбы. Он нигде не использует полированные ямки. Герб города Казани изо-

бражает мифического дракона Зиланта, увенчанного короной. Частыми мелкими штрихами гравер мастерски передает чешую на теле дракона, его совиные когтистые ноги, длинный свернувшийся в петлю хвост. Пространство между медальонами покрыто серебряной протравой, поверх которой вместо серебрения, как у Мейеров, для передачи растительных побегов использована черная эмаль. Цвета лазурей напоминают мейеровские, но из-за несовершенства муфельного обжига прозрачные эмали плохо спеклись со стеклянной основой и поэтому сильно утрачены.

Примерно этим же временем следует датировать и хранящийся в музее Никольска Охотничий комплект (Никольск, инв. 1179, 1180), от которого сохранились графин и стакан (изображение см в [2, с. 114]). В Описи А. Якобсон, в разделе русского стекла 1820–1840 годов, читаем «№ 83. Графин грань ямками рисовка зверями с крышкой и янтарем. № 84. Стаканов таких же — 2» [3]. Усеченно-овоидное тулово заканчивается резким переходом к горлу, энергично расширяющемуся книзу и заканчивающемуся выступающим граненым валиком. Верхняя часть горла с двумя накладными кольцами завершается раструбом, в который помещена пробка в виде граненого вертикальными валиками горизонтального диска с многогранной пирамидой в центре. Форма графина близка уже упомянутому графину из Технического музея в Вене, пробка которого не сохранилась. Тулово бахметьевского графина украшают три ряда сферических ямок, из которых верхний и нижний оставлены пустыми, а в ямках среднего ряда на фоне прозрачной эмали синего, розового и фиолетового цветов изображены животные: лежащий на земле олень с крупными рогами, бегущая собака, лошадь, а также охотник с ружьем. Эти изображения расположены так, что, если смотреть сквозь пустую полированную ямку верхнего или нижнего ряда, за счет оптических эффектов создается впечатление, что не один, а целое стадо оленей убегает от охотника, а за ним бегут уже не одна, а целая свора охотничьих собак. Декоративный эффект усиливается благодаря использованию серебряной протравы, украшающей верхнюю часть тулова и пространство между медальонами. Как и в стаканах с гербами, по протраве черной эмалью написан узор — здесь это полуциркульные арки, заполненные симметричным орнаментом из листьев и отдельные трифолии в сферических треугольниках между ямками. Лучи звезды на дне графина выделены фиолетовой лазурью.

Гравер мастерски передает пропорции фигур, передает повадки животных, по-видимому, близко следуя графическому оригиналу. Бе-

гущая галопом лошадь вытягивает и изгибает в трехчетвертном повороте морду, как бы демонстрируя себя зрителю. Мелкими извивающимися линиями передан развевающийся хвост. Здесь мастер не выделяет фигуры четким контуром, их силуэты дробные, а в изображении фигур отсутствует та глубина, которую мы видели при изображении гербов городов.

Стакан охотничьего комплекта, оформленный аналогично графину, по форме близок стакану с гербами (2).

На графине из частного собрания (рис. 3), имеющего традиционную для русского стекла шаровидную форму тулова, плавно переходящую в горло с тремя наложенными на него кольцами и широким горизонтальным венчиком, присутствуют те же три ряда вогнутых сферических ямок, пространство между которыми сплошь покрыто серебряной протравой, а поверх нее — черной эмалью, в резервах которой проглядывает орнамент из трилистников. Каждая вторая ямка украшена гравированными цветочными букетами. Здесь бахметьевский мастер, буквально следуя оригиналу Мейера, вводит в центр каждого цветка полированные сферы, делая их крупными (3). Подобные мотивы мы встречаем на графине из заводской образцовой, происходящем с завода Баккара (Никольск, инв. 298). Это говорит об использовании бахметьевскими мастерами образцов различных предприятий. Оригинальную многогранную форму имеет и пробка, в декоре которой сочетается мотив трельяжной сетки и пояс из рогов изобилия. Кажется, что та же рука гравировала растительный орнамент еще на одном графине из другого частного собрания, относимого нами к той же группе, но, в отличие от предыдущего, имеющего усеченно-коническую форму (рис. 4). В нем пространство между ямками поверх серебряной протравы покрыто черной эмалью, а незамысловатый геометрический орнамент в

Рис. 3. Графин, Никольско-Бахметьевский завод, 1840-е гг. Частное собрание

Рис. 4. Графин, Никольско-Бахметьевский завод, 1840-е гг. Частное собрание

виде трех ямок, соединенных усиками, выполнен в технике резерважа.

1840-ми годами следует датировать еще одну группу изделий, в декоре которых присутствуют характерные мотивы рококо, восходящие к XVIII веку. Многие сосуды этой группы имеют характерную для востока вытянутую форму с узким длинным горлом и были предназначены для торговли со странами Востока (4). Если мальцовские заводы стали поставлять на азиатские рынки кальяны, выполненные из двух- или трехслойного стекла, богато украшенные росписью и позолотой, то бахметьевские мастера предлагали на восточные рынки гравированное стекло. Примером может служить «графин с двумя ручками рисовка пейзажем» (Никольск, инв. 1759) из Никольска (5), где в завитках рокайльного орнамента представлены пейзажи с замками и охотничьи сценки в стиле середины XVIII века (рис. 5). Рядом с ним в описи числится «№ 234. Графин репой, верх гранью, низ рисовкой матовой, к нему рюмок 2». Подобные изделия удлиненной формы, украшенные матовой гравировкой с «оперенными» рокайльными завитками, заполненные золоченым восточным орнаментом, представлены в Никольске (комплект из двух кувшинов и четырех рюмок, Никольск, инв. 1047, 1118, 1143, 1169, 1170, 1199) и в частных собраниях (6).

Рис. 5. Графин с рокайлями, Никольско-Бахметьевский завод, 1840-е, Никольск, музей

Новым импульсом к развитию гравировки, возможно, послужило знакомство бахметьевских мастеров с образцами гравированного стекла, привезенного из Богемии. К их числу принадлежит кубок со сценой Снятия с креста (изображен в [2, с. 106]), который можно отождествить с описанным А. Якобсон кубком, привезенным в 1840 году («№ 56. Кубок с крышкой широкой грани с красками и янтарем» [3]) одновременно с кубком, украшенным гипсовым медальоном, вплавленным в стекло (7). Форма этого парадного кубка с колоколовидной чашей, обработанной широкой гранью и завершающейся граненым выступом в виде воротничка, оказала влияние на формообразование бахметьевского стекла 1840-х годов (8). С четырех сторон чаши находятся выпуклые овальные медальоны, центральный из которых украшен гравировкой, противоположный оформлен в виде розетки из оптических ямок, а два боковых огранены камнем. Основание имеет

сложный фигурный край с шестью выступающими веерообразными зубчатыми лепестками и шестиугольным медальоном со звездой в центре. Такую же дробную форму имеет и крышка, завершающаяся сильно выступающим хватком в форме граненого желудя. Некоторую сухость огранки оживляет использование серебряной протравы, а также пурпурной и синей лазурей.

Гравировка на кубке выполнена в иной манере, чем на бокале с турком. Здесь мастер работает крупным колесиком, передавая драпировки и одежды фигур широкими параллельными линиями, что делает их несколько однообразными и напоминает вермишель (рис. 6). Лишь некоторые элементы композиции (голова Христа, урна рядом с фигурой Марии Магдалины, волосы и сандалии Иоанна Богослова) получают более детальную проработку. При изображении фигур нарушена пропорциональность, кисти рук переданы несколько схематично теми же параллельными линиями, что и складки. Эта работа относится совсем к другому кругу, чем бокал с фигурой всадника. Манера мастера находит аналогии в работах Иозефа Хаберля, имевшего богемские корни, но работавшего в австрийском Винер-Нойштадте [6, B. 2, s. 132].

Рис. 6. Фрагмент кубка со сценой Распятия, Богемия, 1838 г. Никольск, музей

Рис. 7. Фрагмент кубка «Покорение Парижа», Никольско-Бахметьевский завод, 1840-е гг., Никольск, музей

В начале 1840-х годов Алексей Николаевич Бахметьев, ориентируясь на опыт своего отца, стремился вывести Николько-Бахметьевский завод на ведущие позиции в отечественном стеклоделии, которые он начал утрачивать после смерти Вершинина. Именно так можно объяснить появление группы изделий, ориентированных на известные работы ИСЗ, выполненные Иоганном Губе с учениками. Подобно столичным образцам, эти вещи посвящены памяти войны 1812 года и украшены гравировкой и серебряной протравой. При их создании бахметьевские мастера также основываются на гравюрах Николая Уткина по рисункам Федора Толстого, выпущенных в виде альбома Российской академией наук в 1818 году [7, с. 96]. О не угасавшем интересе к этой теме в обществе говорит тот факт, что

серия из 20 медальонов по этим гравюрам была закончена лишь в 1836 году, а в 1837 году были заказаны еще четыре дополнительных медальона, посвященные заграничному походу русской армии.

На кубке из музея г. Никольска (9) представлена сцена «Покорение Парижа» (10), которую гравер передает, близко следуя оригиналу (рис. 7). По аналогии с медалью, под изображением помещена надпись. В трактовке фигур, драпировок, складок одежды заметна ориентация на кубок со сценой «Снятия с креста», манере которой мастер явно подражает. Эта манера, далекая от рафинированного искусства Губе, видна и в гравировке бокала (инв. 369ст) из коллекции ГИМ со сценой бегства Наполеона из России, опубликованном Н.А. Ашариной (изображение см в [8, № 70, ил. с. 93]). Цветочный орнамент и декорирование прозрачными цветными «лазурями» роднит этот бокал с уже рассмотренной нами группой изделий, декорированных оптическими ямками и датируемых концом 1830-х и началом 1840-х годов. Использование «лазурей» в бахметьевском стекле в 1840-е годы прекращается, а вот серебряная протрава, уже собственного производства, сохраняется, по крайней мере, до начала 1850-х годов (11).

Рис. 8. Бокал «Лягушка и вол», Никольско-Бахметьевский завод, Никольск, музей

Богемские образцы, украшенные серебряной протравой, послужили основой для создания бахметьевскими мастерами в 1840-е годы серии толстостенных бокалов (по Якобсон — фужеров, по более поздним никольским описям – стаканов-бокалов) на мощной приземистой ножке с широкой чашей колоколообразной, цилиндрической или овоидной формы, декорированных медальонами с сюжетными или растительными гравировками. Мотивы этой гравировки обращают нас к басням Ивана Крылова («Лягушка и вол», Никольский музей стекла и хрусталя инв. 1269; «Пустынник и медведь», ГРМ инв. ст-647) или его сатирическим стихам («Парнас», ГМЗ «Царское село» инв. ЕД-3670). Причина такого интереса бахметьевских мастеров к произведениям великого баснописца, проявившегося и в стекле, декорированном в иных техниках (12), еще требует изучения.

Характерным примером изделий этой группы, выполненных из слегка темноватого поташно-известкового стекла, служит происходящий

из образцовой в Никольске «Фужер с янтарем и рисовкой на басню Лягушка и вол» [2, № 254], который А. Якобсон поместила в перечень образцов Никольско-Бахметьевского завода с 1840 по 1860 год. Массивная коническая чаша, обработанная широкой гранью, покоится на низкой ножке в виде сильно сплюснутого яблока. Граненое основание составлено из четырех зубчатых лепестков, украшенных призматической гранью (рис. 8). На чаше расположены овальные медальоны, фон которых выделен серебряной протравой. Два более узких медальона заполняет растительный орнамент. В сцене «Лягушка и вол» в центральном медальоне мастер буквально следует гравюре к басне Крылова, выполненной А. Сапожниковым и опубликованной в приложении к изданию «Басни Ивана Крылова» в типографии Ивана Смирдина в 1834 году (рис. 9). Мастер обрезает оригинальную гравюру, приспосабливая ее под горизонтальный формат, слегка меняет ракурс фигуры вола, разворачивая ее к зрителю, увеличивает одну из лягушек, но, в целом, изображение очень близко оригиналу. Манера гравировки здесь иная, она ближе богемскому

Рис. 9. А. Сапожников. Лягушка и вол, 1834

Рис. 10. Бокал с беседующими крестьянками, Никольско-Бахметьевский завод, 1840-е, частное собрание

рис. 11. Фрагмент бокала «Мужик с овощами», Никольско-Бахметьевский завод, частное собрание

рис. 12. Стакан с фигурой казака, частное собрание

бокалу с делибашем, чем кубку с Распятием. Гравёр проявляет больший интерес к деталям, дорабатывая их мелким колесом. Сходную манеру мы встречаем в бокале «Парнас», где изображение также следует гравюре Сапожникова. Этим двум вещам близок по форме бокал из частного собрания, который украшает сцена с двумя беседующими крестьянками (рис. 10). Иногда жанровые сценки в медальонах сопровождают пояснительные надписи, например «Мужик саващами» («Мужик с овощами») из частного собрания (рис. 11) (13).

В эти же годы гравировку наносили и на тонкостенные стаканы. Один из них (№ 284 «Стакан рисовка Соколиная охота») упомянут А. Якобсон, другой — с конной фигурой казака — обнаружен в частном собрании (рис. 12).

К концу 1840-х годов форма стакана-бокала на короткой массивной ножке выходит из моды, а привезенные из Европы новые образцы способствуют формированию уже иных художественных ценностей (13).

Можно уверенно утверждать, что гравировку в Никольске исполняли местные мастера, так как, по словам обозревателя, «более всего замечательно в этой фабрике, это отсутствие в ней иностранцев со времени основания ея и доныне» [10, с. 240] (14). Посетивший завод в 1938 году Н. Быстров называет автором гравировки на бокале «Лягушка и вол» Ивана Ромодина [11, с. 53]. В 1903 году на заводе работали рисовщиками Василий Иванович Ромодин (возраст 26 лет) и Дмитрий Николаевич Ромодин (возраст 24 года) (15). Относительно авторства гравировки Охотничьего комплекта Быстров приводит мнение, что ее мог исполнить Ромодин или другие мастера — предки тех Свинуховых и Куликовых, которых трудились на заводе еще в 1930-е годы (16; 17).

Примечания:

1. Возможно, что стакан из Никольска был запасным к этому комплекту и оставался в доме Бахметьева, откуда уже после революции был передан в музей. Только так можно объяснить его отсутствие в Описи, составленной А. Якобсон.

2. Известны еще несколько предметов бахметьевского стекла конца 1830-х или 1840-х годов, граненые ямками с нанесенным в них цветочным орнаментом, декорированные лаками. Это графин (инв. НС-53) и стакан (инв. НС-82) из ВМДПиНИ, две рюмки (С-231, С-232) из ГИХМ «Новый Иерусалим».

3. В этой же технике выполнены ветки с цветками незабудки на пробке графина Охотничьего сервиза.

4. С целью загладить вину после случившегося в 1829 году убийства сотрудников русского посольства в Тегеране, Персия дает торговые привилегии русским купцам. В 1832 году Журнал мануфактур и торговли публикует статью «Стеклянная посуда для азиатских рынков», в которой описаны изделия, поставляемые из Богемии на левантийские рынки и обозначены преимущества России в освоении этих рынков [12]. В числе стеклянной посуды обозначены кальяны, кружки и «графины, украшенные резьбою», хотя, судя по приложенным к статье рисункам, под резьбою здесь понимается гравировка, то есть в терминологии бахметьевских мастеров, «светлая рисовка», изображающая цветочные орнаменты с крупным цветком шиповника в центре или мотивом виноградной лозы.

5. В Описи А. Якобсон 1914 года помещен среди бахметьевских предметов 1840–1860 гг. под № 235. Прототипом формы этих изделий могли послужить графины (Никольск, Франция, 1840 г., инв. 147; Богемия, 1849 г., инв. 153), сохранившиеся в образцовой.

6. К группе «восточных» изделий 1840-х гг. относятся и расписанные золотом кувшины из Никольска (инв. 1343, см [2, с 136]. инв. 1319 и инв. 1320).

7. «№ 20. Кубок с заливной фигурой турка», [3, 1840 г.], он сохранился (Никольск, инв. 1273).

8. Тем же 1840-м годом в старых заводских описях датирован и кубок (Никольск, инв. 1271) с пустым медальоном в центре, который, судя по оттенку стекла, является бахметьевским.

9. Этот кубок отсутствует в [3]. Возможно, что он, в числе других наиболее ценных предметов хранился в доме Бахметьева.

10. В издании 1818 года она описана так: «Россиянин с копием в руке подносит падшей на колени пред ним Французской столице масличную ветвь. Усеянное вкруг неё мертвыми телами и сокрушенными оружиями поле являет бывшее пред тем жестокое сражение. Вместе же сии пожатые им лавры с оливою показывают, что колико гнев его страшен в брани, толико дух его кроток в победе».

11. На ранних изделиях конца 1830-х годов протрава, возможно, была привозной, как и лазури. Она отличается чистым равномерном цветом. На некоторых более поздних изделиях 1840–1850-х годов протрава менее качественная, крытье неравномерное по оттенку, с более темными пятнами.

12. См. кружку с сульфидным медальоном с профилем И. Крылова на крышке в Нижегородском музее-заповеднике, инв. ГОМ 19780-44.

13. С изделиями этой группы следует сопоставить стакан с крышкой из коллекции ВМДПиНИ (инв. РС-167), опубликованный О.М. Поляшовой [9, №94]. Он также украшен медальоном с серебряной протравой и гравировкой. Здесь за

основу изображения взята литография по гравюре А.О. Орловского 1820-х гг «Извозчичья биржа». Мастер не дословно цитирует оригинал, а выбирает сценку беседы извозчиков, один из которых сидит в запряженных санях. Перенося изображение на стекло, он изменяет число персонажей, несколько иначе трактует их позы, а арочное опора яслей для кормления лошадей превращается в проем в стене здания. Манера исполнения гравировки, использование полированных участков для передачи оконных проемов, находит аналогии в петербургском искусстве 1830-х годов. Форма изделия и светлый оттенок стекла выводят данный предмет, а также известный нам в частном собрании стакан с изображением, взятом с гравюры по рисунку А.О. Орловского «Извозчик с возом овса у амбара», из рассматриваемого круга бахметьевских вещей 1840-х годов и сближает их с петербургским стеклом предыдущего десятилетия.

14. К этой же группе можно отнести хранящиеся в музее Никольска бокалы с Кремлем (инв. 1280) и кубок «Наездник с лощадью» (инв. 1277, иллюстрация в [2, с. 112]).

15. Известен гравированный В.И. Ромодиным (1876–1939) в 1936 г. стакан «Черкес», Никольск, инв. 2345.

16. См. [11, с. 49]. В «Именном списке рабочих завода князя А.Д. Оболенского за 1903 год» значится Свинухов Дмитрий Григорьевич, рисовщик, возраст 28 лет. Также в 1903 году на заводе работало четыре Куликова (двое в гуте, один шлифовщик, один сортировщик). Автор благодарит директора музея в Никольске О.А. Панюшкину и хранителя Н.Б. Андрееву за предоставленные сведения и возможность ознакомиться с документами и предметами собрания.

17. Материал статьи представлен в виде доклада на VIII Научно-практической конференции «Проблемы атрибуции памятников декоративно-прикладного искусства XVI–XX веков», ГИМ, 24–26 октября 2023 г.

Список литературы:

1. *Ашарина Н.А.* Русское стекло. — Москва: Галарт, 1998.

2. *Голова В.С.* Никольский музей стекла и хрусталя. — Пенза, 2013.

3. *Якобсон А*. Опись образцов посуды завода князя А.Д. Оболенского, 1914. Рукопись, Никольский музей стекла и хрусталя.

4. *Микитина В., Еникеева Т.* Ода стеклу. — Москва: ООО «А-Тритона», 2014.

5. *Суслова Л.* Гербы на стекле //Мир музея. — 2015. — № 12. — С. 15–16.

6. Das Bömische glas 1700–1750. — Passauer Glasmuseum, 1995.

7. 1812 год в произведениях искусства из собрания Русского музея. — Санкт-Петербург: Palace Editions, 2012.

8. *Дулькина Т.И., Ашарина Н.А.* Русская керамика и стекло XVIII–XIX веков. Собрание Государственного Исторического Музея. — М.: Изобразительное искусство, 1978.

9. *Поляшова О.М.* Русское стекло XVIII — начала XX века из собрания ВМДПиНИ. — Москва: Группа ЭПОС, 2014.

10. О хрустальной фабрике Гг. Бахметьевых // Журнал мануфактур и торговли. — 1848. — № 2. — С. 239–245.

11. *Быстров Н.* Мастера хрусталя. — Куйбышев, 1939.

12. Стеклянная посуда для азиатских рынков // Журнал мануфактур и торговли. — 1832. — № 5. — С. 78–84.